Долгих Аркадий Наумович

А. С. ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ

Автор статьи рассматривает взгляды по крестьянскому вопросу великого русского поэта А. С. Пушкина, проводит текстологический анализ ряда его произведений, связанных с данной тематикой, таких как "Деревня" и "Путешествие из Москвы в Петербург", определяя направление эволюции социально-политических взглядов поэта от весьма радикальных в сторону умеренного консерватизма и постепенных преобразований в данной сфере.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 66-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. **Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В.** Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92-102.
3. **Кортунов С. В.** Судьба русского коммунизма // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 48-64.
4. **Люкс Л.** Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 3-15.
5. **Сорокин П. А.** Система социологии. М.: Наука, 1993. Т. 1. Социальная аналитика: учение о строении простейшего (родового) социального явления. 447 с.
6. **Трубецкой Н.** О туранском элементе в русской культуре // Русская идея: в 2-х т. М.: Искусство, 1994. Т. 2. С. 67-83.
7. **Яковенко И. Г.** Должное и сущее как категории культурно-исторического процесса (на материале России): автореф. дисс. … к. культурологии. М., 1999. 23 с.

SOCIAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA AND SPECIFICS OF MASS CONSCIOUSNESS MODERNIZATION

Glazunov Nikolai Gennad'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Moscow Institute of Linguistics
nickglazunov@mail.ru

The article analyzes the influence of religious factor on the process of social transformations in Russia. The author justifies the thesis that the discontinuity of the process of the secularization and modernization of mass consciousness did not allow developing the rationalistic model of thinking that was adopted in Western Europe as a result of the Reformation and the subsequent events. The study of social processes in Russia is impossible regardless of the deeper religious strata of national mentality.

Key words and phrases: social transformation; reforms; religion; mass consciousness; secularization; rationalization.

УДК 63.3
Исторические науки и археология

Автор статьи рассматривает взгляды по крестьянскому вопросу великого русского поэта А. С. Пушкина, проводит текстологический анализ ряда его произведений, связанных с данной тематикой, таких как «Деревня» и «Путешествие из Москвы в Петербург», определяя направление эволюции социально-политических взглядов поэта от весьма радикальных в сторону умеренного консерватизма и постепенных преобразований в данной сфере.

Ключевые слова и фразы: крепостное право; освобождение крестьян; консерватизм; либерализм; просвещение.

Долгих Аркадий Наумович, д.и.н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
Adonli@mail.ru

А. С. ПУШКИН И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ

Писать об А. С. Пушкине нелегко. В России на это имеют право лишь люди, являющиеся его верными адептами, к каковым мы себя относим. Пушкиниана насчитывает многие сотни работ. Тем не менее остаются серьезные лакуны, касающиеся, прежде всего, его социально-экономических и политических воззрений. Среди них важнейшее место занимает крестьянский вопрос или вопрос об экономическом и правовом положении владельческого крестьянства. Материала для характеристики пушкинских взглядов по данной проблематике достаточно. Это и его стихотворные, и прозаические произведения, записки, исторические труды, переписка, а также мемуары современников. Несмотря на значительный объем источников, немногие историки брались за изучение данной проблематики, в особенности потому, что существует до сих пор негласное табу на такие темы: а каким помещиком был Пушкин, почему он не освободил своих крестьян. Практически никто, за исключением В. И. Семевского, на эту тему так не писал [13].

Отношение Пушкина к крепостному праву никогда не было положительным, хотя он и не отказался от своих помещичьих прерогатив. Не последним моментом здесь были и его постоянные долги, бесшабашная неэкономность, привычка к роскоши («бояр старинных я потомок…»). Налицо его привязанность к своей собственности («Брожу над озером моим…»), к Болдино, Михайловскому. Мысль о том, что эти имения нужно было отдать крестьянам, работавшим и жившим там, видимо, не приходила ему в голову. Он был здесь в рамках системы, ничем не отличаясь от «типичных представителей» дворянства. Вместе с тем, и это тоже стало типичным явлением, по крайней мере для определенного круга просвещенного дворянства, «стыд» за существование крепостного права (появившийся в России примерно в начале XIX в. не без влияния Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, журнального сентиментализма и др.) у него уже имел место. «Хамобесие» (термин Н. И. Тургенева, придуманный

для характеристики крепостников) для него было чуждым, но стоит заметить, что в своих деревнях Пушкин не проводил даже тех скромных преобразований, что делали тот же реальный Тургенев или виртуальный Онегин («Ярем он барщины старинной оброком легким заменил…»). Аналогично и употребление поэтом в ранний период термина «раб» в отношении крепостных, что было характерно для тогдашних либералов в духе того же Тургенева (в отличие от консерваторов, избегавших столь одиозных оценок системы отношений помещиков и их подданных). С другой стороны, точки над i здесь надо сразу поставить и не превращать Пушкина в заведомого эмансипатора, тем более таких было весьма мало в данную эпоху, в том числе среди радикально настроенного дворянства [4; 7, т. 1, с. 245-246, 250-252, 256-258, т. 4, с. 161-165; 12, т. 5, с. 37].

Эту дилемму – освобождать или нет своих крепостных – поэт, как и его окружение (часто весьма прекраснодушное), решали одинаково, оставаясь полновластными хозяевами имущества и жизни крестьян, кстати, и чести крестьянок, в чем был замечен и повинен и сам поэт. Упомянем здесь о его крепостной возлюбленной Ольге Калашниковой (отец которой, благодаря ее своеобразному покровительству, долгое время был одним из управителей пушкинской вотчины, бессовестно грабя своих селян), впоследствии отпущенной на волю и выданной потом замуж («для сокрытия улик») за мелкого чиновника. Так что в стихотворении «Деревня» поэт, очевидно, признавался и в своих собственных грехах: «Здесь девы юные цветут для прихоти бесчувственной злодея…». Мы не являемся в данном вопросе записными моралистами, но ведь речь здесь шла не о равных отношениях, а о тех, о которых В. О. Ключевский писал, именуя их игрой «старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками». Конечно, можно сказать, что подобные явления в ту пору были нормой для дворян, вышедших из «галантного» XVIII в., но припомним высказывание из «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина: «…как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных». Выделим в этой связи два подхода к личности поэта. По словам А. В. Никитенко, поведение Пушкина не соответствовало «человеку, говорящему языком богов и стремящемуся воплощать в живые образы высшую идеальную красоту. Прискорбно такое нравственное противоречие в соединении с высоким даром, полученным от природы». А вот позиция П. К. Губера: «Я лишь стремился <…> изобразить education sentimentale Пушкина, интимную историю его сердца так, как я понимаю ее <…> У Пушкина, конечно, были свои слабости и даже пороки, особенно в той области, которая явилась предметом моего рассмотрения. Но он достаточно велик, чтобы отвечать за себя и не нуждаться в адвокатах» [1, с. 59-60; 3, с. 12-14, 17; 5, с. 394; 6, с. 83; 10, с. 58; 12, т. 1, с. 360].

Заметим, что пушкинский взгляд на крепостное право не оставался в первоначальном виде, со временем меняя акценты. Наиболее показательно в этом отношении здесь сравнение его «Деревни» 1819 г. и «Путешествия из Москвы в Петербург» 1833-1835 гг. «Деревня» была написана в эпоху апогея реформаторских затей. Очевидна параллель идей стихотворения с мыслями записки Н. И. Тургенева «Нечто о положении крестьян в России», в 1819 г. через генерала М. А. Милорадовича переданной монарху и заслужившей его одобрение, как, впрочем, и пушкинское творение. В этом, можно сказать, программном стихотворении поэт представал в определенном смысле продолжателем дела и идей А. Н. Радищева (вспомним вариант «Памятника»: «Что вслед Радищеву восславил я свободу и милосердие воспел»), хотя позднее с ним и будет спорить по данным сюжетам. Примем как аксиому тот факт, что проблем с рифмой у Пушкина не было, поэтому будем буквально относиться к его стихам и идеям, высказанным в них [1, с. 69-75; 8, т. 2, с. 109-125, 281-283; 12, т. 1, с. 359-361, т. 3, с. 477, т. 7, с. 268-305].

Действительно, все это весьма похоже на Радищева. Судя по тексту «Деревни», целью «барства дикого» являлась лишь «пагуба людей», а не извлечение прибыли. Пушкин здесь изображал не вообще крепостное право, а его крайности в духе своего предшественника. Среди них – не ограниченный ничем труд земледельца («и труд… и время земледельца»). Совершенно очевидно, что речь идет, как и у Тургенева, о барщинной эксплуатации как наиболее тяжелой для крестьянства (вспомним в романе «Евгений Онегин» – «Ярем… барщины старинной…»), но, несомненно, эффективной и приносившей гарантированный и верный доход с точки зрения помещика. Налицо отсутствие у крестьянина собственности, возможно, и движимой. Подчеркнуто: фактическое отсутствие законов на сей счет (очевидное игнорирование, по крайней мере, норм павловского манифеста об ограничении барщины 1797 г.); подчеркнуто: «присвоило себе», т.е. действия помещика не соответствовали тогдашним законам (здесь, скорее, не в юридическом, а в нравственном смысле); подчеркнуто: «насильственной лозой» (прозрачный намек на жестокость «домашнего наказания»). Наконец, подчеркнуто: «барство дикое, без чувства», т.е. непросвещенное – намек на возможность просвещенного управления крестьянами в духе тогдашних консерваторов М. М. Щербатова и Ф. В. Ростопчина («помещики – отцы, крестьяне – их дети») [7, т. 2, с. 65-77, 152-163, 252-260, т. 3, с. 174-184, т. 4, с. 30-50; 12, т. 1, с. 359-360, т. 5, с. 477, т. 7, с. 268-305, 349-365].

Итак, речь шла о «диком барстве» с его крайностями, среди которых особо выделено два эксцесса: насилие над крестьянками (подобные явления показаны и у Радищева) и перевод крестьян с пашни в дворовые, причем это последнее явление подано лишь в негативном плане – в «дворовые толпы измученных рабов», хотя, вообще говоря, если не брать моральное и нравственное угнетение (вспомним Простакову: «Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от вольности дворянства?»), то положение дворовых, не занятых тяжкими полевыми трудами, было в некотором смысле получше крестьянского. Заметим, что и здесь Пушкин представлял крайний вариант – вариант «толпы рабов», которая могла быть только у очень богатого и державшего открытый стол помещика (вспомним дом Ростова в «Войне и мире»). При этом в данном списке прегрешений и злоупотреблений помещичьими правами отсутствовали продажа людей без земли (на которую особое внимание обращал Радищев), ссылка крепостных по воле помещиков

на поселение или на каторгу, в смирительные и рабочие дома, произвольная сдача их в рекруты (в данном случае можно считать отсутствие этой крайности осознанным выбором поэта, о чем он будет писать позднее в «Путешествии из Москвы в Петербург»). Здесь же Пушкин останавливался в основном на внутрипоместных отношениях – том беспределе, который реально существовал, в его понимании, у невежественного помещика. Совершенно очевидна косвенная критика и в адрес власти, не контролировавшей взаимоотношения помещиков и крепостных. В этом стихотворении косвенно замечена невозможность для крестьян выйти на свободу даже за выкуп («Здесь тягостный ярем до гроба все влекут, надежд и вольностей в душе питать не смея…»). Ясно, что Пушкин не возлагал надежд на дворянство в деле исправления подобного положения вещей (общество не готово!): «О, если б голос мой умел сердца тревожить» (чьи? конечно, дворянские), жаловался на «бесплодный жар», отсутствие того, что он назвал «витийства грозный дар», не приводил себя в качестве положительного примера (налицо параллель: что сделал Онегин в имении – ввел «легкий оброк», и только; а роман все же в определенном смысле и автобиографичен: «Как будто нам уж невозможно писать поэмы о другом, как только о себе самом»). Оставалась лишь надежда на монарха, в полном соответствии с идеями Н. И. Тургенева: раньше должно произойти освобождение крестьян (потому что дворяне на это не пойдут), а потом можно и конституцию ввести, и свободу вообще. Налицо также вполне понятное сомнение поэта: «Увижу ль…». Увидеть освобождение крепостных ему было не суждено, но он предугадал саму схему эмансипации – по воле монарха. При этом освобождение необходимо было, по его словам, по причинам гуманности, милосердия, а не для повышения доходов помещиков. Значит, осознания невыгодности крепостного труда не пришло. Возможно, это так. Остается, правда, вопрос по 10-й главе «Евгения Онегина» насчет Тургенева, который «предвидел в сей толпе дворян освободителей крестьян». Налицо противоречие с представлениями и Тургенева, и Пушкина о возможности освобождения крепостных лишь силами государственной власти, и, кстати, вызывает сомнение или даже скепсис положение о «толпе» подобных дворян [1, с. 71-74; 5, с. 413, 426-428; 7, т. 1, с. 11-35; 8, т. 2, с. 109-125, 281-283; 11, с. 107-331; 12, т. 1, с. 359-361, т. 5, с. 33-34, 37, 212, т. 7, с. 295-296; 14, с. 143].

Но когда это освобождение должно произойти? Судя по всему, это может иметь место только после просвещения России, когда «свобода просвещенная» не будет приводить к русскому бунту, «бессмысленному и беспощадному» (выражение из «Капитанской дочки», написанной уже в начале 1830-х гг.), когда сложатся такие условия, что и сами дворяне на это пойдут. А что будет с землею? Этот вопрос остается за кадром. Разговор ведется только о личном освобождении, но ведь уже к тому времени 16 лет действует указ о вольных хлебопашцах, но о нем здесь ни слова. Как дворянина, помещика, находившегося вечно в долгах, Пушкина вряд ли устроила бы отдача всей земли, даже части ее, крестьянам, что было характерно и для декабристов. Налицо программа смягчения крепостного права и ликвидации крайних его проявлений. Поэт здесь не касался идеальных вариантов «просвещенных» взаимоотношений помещиков и крестьян, возможно, в них не верил, хотя позднее он об этом будет писать, например, в «Капитанской дочке», в так называемой пропущенной главе: «Я знал, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, несмотря на строгость, был также любим, ибо был справедлив и знал истинные нужды подвластных ему людей». Несколько раньше, в «Евгении Онегине», он писал о бригадире Д. Ларине: «Он был простой и добрый барин…»; там же и о его жене: «Она езжала по работам… служанок била, осердясь…» – все это подано без малейшей критики. Здесь можно также привести известную по источникам проповедь Пушкина мужикам с амвона по поводу холеры (в 1830 г.): «Холера послана вам, братцы, оттого, что вы оброка не платите, пьянствуете. А если будете продолжать так же, то вас будут сечь. Аминь!» В качестве иного примера приведем пушкинскую характеристику одного из гостей на именинах Т. Лариной: «Гвоздин, хозяин превосходный, владелец нищих мужиков» или финал «Истории села Горюхина»: «В три года Горюхино совершенно обнищало <…> Ребятишки пошли по миру» (это произведение, возможно, было критикой на систему управления имениями через назначенных барином управителей – нечто похожее на собственный опыт поэта как помещика) [12, т. 1, с. 359-361, т. 5, с. 51-52, 111, т. 6, с. 195-196, 525, 549-550, 556].

Вообще говоря, поздний Пушкин несколько иначе относился к данной проблеме, чем в юношеские годы. Наиболее ярко его взгляды на состояние крестьянского вопроса в середине 1830-х гг. представлены в статьях «Путешествие из Москвы в Петербург» и «Александр Радищев», изданных уже после смерти поэта. Нельзя сказать, чтобы эти статьи, объединенные общей темой, прошли мимо внимания историографии. Написанные в несколько полемичном стиле и все же рассчитанные на публикацию (отсюда некоторые жесткие оценки своего визави), они, критикуя некоторые воззрения Радищева, одновременно соглашаются с другими положениями его «Путешествия» 1790 г. По мнению П. К. Губера, Пушкин – это «аристократ, верный всем предрассудкам своей касты. В юношеских стихах он довольно осторожно напал на крепостное право – и “рабство, падшее по манию царя”, вошло в хрестоматии. Но куда прикажете поместить статью, написанную в пору совершенной зрелости и содержащую весьма искусную апологию того же крепостного права? Нет решительно никаких оснований предполагать, что Пушкин готов был в данном случае покривить душой и писал не то, что думал». Расхождения Пушкина и Радищева заинтересовали Б. Н. Миронова. По его словам, время, когда Пушкин писал свои статьи о Радищеве – 1830-е гг. – отличалось тем, что «положение крестьян существенно улучшилось сравнительно с концом XVIII в.», когда сам Радищев писал свое «Путешествие». По словам историка, «с точки зрения Пушкина, наблюдения Радищева большей частью верны, но они отражали, скорее, злоупотребления, чем правила» [3, с. 16; 9, с. 437-442, 538, 541-544].

С чем соглашался Пушкин? Если идти по тексту его «Путешествия» (движение у поэта идет в обратную сторону, видимо, символизируя общественный прогресс), то на первом месте шли здесь насильственные браки: «Неволя браков давнее зло» (речь у поэта не велась прямо о помещичьем принуждении, но оно явно подразумевалось). Применительно к рекрутчине, «тягчайшей из повинностей народных», Пушкин строг: «Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего». Вместе с тем он решительно против системы очередности в поставке рекрутов и активной роли государства (видимо, и крестьянства) в организации наборов с помещичьих имений, рассматривая подобную ситуацию, прежде всего, со стороны выгод дворянина-землевладельца, заключавшихся в сдаче «вредных негодяев» в службу и сохранении «полезных» и «трудолюбивых» отцов семейств под своей властью. В целом Пушкин согласен и с филиппиками Радищева против продажи людей без земли, признавая, что данная картина «правдоподобна» (правда, почему-то «мечтания» Радищева, видимо, направленные против этого открытого проявления рабства, названы хотя и «искренними», но «надутыми»), но в другом месте своего «Путешествия» он даже высказывался за сохранение ее в период рекрутских наборов в интересах богатых крестьян (идя здесь даже против норм существовавшего законодательства). Аналогична позиция Пушкина в отношении «месячины», завершая разговор о которой, поэт приводил в пример подобного «извращенного» помещика, реализовывавшего на практике такие опыты и печально окончившего свою жизнь: «он был убит своими крестьянами во время пожара» – довольно многозначительный финал. Но одновременно он высказал несколько мыслей, контрастировавших с положениями Радищева. В особенности они касались благоприятного, по мнению поэта, экономического положения владельческого крестьянства, явно выигрывавшего в этом отношении в сравнении с западноевропейскими крестьянами и работными людьми: «Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен <…> Злоупотреблений везде много <…> В России нет человека, который бы не имел своего *собственного* жилища <…> Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения… Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков…» [4; 12, т. 7, с. 287-288, 290-296, 299, 303-305].

Судя по всему, поэт в пору своей зрелости уже не разделял идеи своего предшественника, его поношение «власти господ», отсутствие положительного решения проблемы крепостного права (которое, на самом деле, у Радищева имелось, но Пушкин об этом не писал), одновременно удивляясь его смелости: «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!». При этом, по мнению Пушкина середины 1830-х годов, «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких потрясений» («Капитанская дочка»); «конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества…» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Дважды повторенная мысль, датированная примерно 1833-1836 гг., говорит об убежденности мыслителя в своей правоте и не требует дополнительных комментариев, особенно если иметь в виду его положение о том, что «со времен восшествия на престол дома Романовых правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно». В тексте статьи есть сравнение статуса русского крепостного с положением французского крестьянина XVII в. Оно в черновом варианте заканчивалось фразой: «Все это, конечно, переменилось, и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина», но в окончательном варианте работы это предложение не уцелело, хотя многозначительно текст этой фразы заканчивается отточием. По мнению А. В. Аникина, заключительная фраза лучше отражает позиции поэта, а значит, налицо одобрение им тех изменений, которые принесла во Францию революция, хотя наш путь к крестьянской эмансипации, по мнению Пушкина, должен быть путем «мирной эволюции». Мы договорились, что не будем домысливать за Пушкина. Спорным также является это утверждение и потому, что во Франции крестьяне в результате революции получили дворянские земли, с чем вряд ли поэт мог согласиться [1, с. 212; 9, с. 441-442; 12, т. 6, с. 455-456, т. 7, с. 269, 271, 290-292, 353-354, 358-360, 634].

Эти факты и высказывания Пушкина приводят нас к выводу о том, что, вообще говоря, стоит отказаться от трактовки великого нашего национального поэта как поэта крестьянского и ярого борца за освобождение крепостных. Данный вопрос, конечно, был в орбите его интересов, но отнюдь не преобладал в них, и об этом надо говорить прямо. В этой связи интерес представляет и трактовка понятия «свобода» применительно к Пушкину. По словам П. Вайля и А. Гениса, свобода – это «ключевое понятие для Пушкина. Двадцать лет он исследует разные виды свободы… Вначале свобода называлась вольность <…> Почувствовав свою власть над миром… Пушкин перестает интересоваться прежним, более узким пониманием свободы. Он видел, куда она может привести <…> кончалось это не только виселицей, но и плакатными стихами <…> Пушкину нужна была не столько политическая свобода, сколько личная независимость…». Заметим, кстати, что крестьяне как литературные герои практически не фигурировали в его произведениях, а абстрактный народ значимо «безмолвствовал» лишь в «Борисе Годунове», присутствуя в них в роли антуража. Что есть, то есть. Пушкин и без этого велик и «народен» [2, с. 69-72; 12, т. 5, с. 322, т. 7, с. 302; 14, с. 141].

Список литературы

1. **Аникин А. В.** Муза и мамона: социально-экономические мотивы у Пушкина. М.: Мысль, 1989. 255 с.
2. **Вайль П., Генис А.** Родная речь. Уроки изящной словесности / предисл. А. Синявского. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2011. 256 с.
3. **Губер П. К.** Дон-Жуанский список Пушкина. Главы из биографии: репр. изд. Пг.: Петроград, 1923. 288 с.

4. **Долгих А. Н.** Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII-XIX веков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. 2. С. 70-73.
5. **Карамзин Н. М.** О древней и новой России. Избранная проза и публицистика / сост., вступит. ст. и коммент. В. Б. Муравьева. М.: Жизнь и мысль, 2002. 480 с.
6. **Ключевский В. О.** Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. 416 с.
7. **Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX в.: власть и общество**: сб. документов: в 4-х т. / сост. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2008. Т. 1. 360 с.; Т. 2. 360 с.; Т. 3. 367 с.; Т. 4. 342 с.
8. **Крестьянский вопрос в России (1796-1830 гг.): дворянское общество и власть**: сб. документов: в 2-х т. / подг. мат., ввод. ст. и коммент. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. 1. 364 с.; Т. 2. 320 с.
9. **Миронов Б. Н.** Благосостояние населения и революции в имперской России. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
10. **Никитенко А. В.** Дневник: в 3-х т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 1826-1857. XIX+542 с.
11. **«О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева**: факсимильное издание / под ред. М. В. Нечкиной, Е. Л. Рудницкой; вступ. ст. и коммент. Н. Я. Эйдельмана. М.: Наука, 1983. 14+XIV+340+175 с.
12. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Изд. 3-е. М.: АН СССР, 1962-1966.
13. **Семевский В. И.** Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2-х т. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1888. Т. 1. LIII+517 с.; Т. 2. 625 с.
14. **Фонвизин Д. И.** Сочинения / сост. Н. Н. Акопова; предисл. Г. П. Макогоненко; примеч. М. В. Иванова. М.: Правда, 1981. 320 с.

A. S. PUSHKIN AND PEASANT ISSUE IN RUSSIA

Dolgikh Arkadii Naumovich, Doctor in History, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University
Adonli@mail.ru

The author of the article considers the views of the great Russian poet A. S. Pushkin on peasant issue, conducts the textological analysis of some of his works connected with this subject matter, such as “Village” and “Journey from Moscow to Petersburg”, determining the direction of the evolution of the socio-political views of the poet from rather radical ones towards moderate conservatism and gradual reforms in this sphere.

Key words and phrases: serfdom; liberation of peasants; conservatism; liberalism; enlightenment.

УДК 930.85
Исторические науки и археология

В статье анализируется понятие коммеморации как материального компонента и важнейшего инструмента формирования исторической памяти. Указаны основные факторы, влияющие на процесс формирования исторической памяти. Показана социальная природа процессов коммеморации, ее основополагающих признаков и функций. Особо подчеркивается влияние политических и социально-культурных императивов на коммеморативные практики современности.

Ключевые слова и фразы: историческая память; коллективная память; коммеморация; территория памяти; места памяти.

Исрапилова Зарема Анваровна
Дагестанский государственный технический университет
Israpilova1966@mail.ru

РОЛЬ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Проблема осмысления и изучения исторической памяти, способов ее хранения, функций, которые она выполняет в культурной жизни общества, стала одной из самых дискуссионных в современной исторической науке, культурологии, социологии. Во многом этому способствовали исследования М. Хальбвакса, Я. Ассмана, П. Нора, П. Хаттона и других учёных XX-XXI веков. Основателем теории исторической памяти считается французский социолог Морис Хальбвакс, автор труда «Коллективная память». Он выдвинул идею об исторической памяти как важнейшем факторе самоидентификации социальной или любой иной группы. В этом отношении он подчеркивал значение мнемонических мест (мест памяти), где мы размещаем или локализуем образы прошлого в специфическом пространстве. Современный американский автор П. Хаттон указывает: «Сами по себе образы памяти всегда фрагментарны и условны. Они не обладают целостным или связанным значением, пока мы не проецируем их в конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства даются нам вместе